

Григорий (Борисоглебский), иером.

Речь, произнесенная перед защитой магистерской диссертации: «Третье великое благовестническое путешествие св. апостола Павла (Изъяснение Деян. 18:21–22, Деян. 16 и Гал. 2:11–22): Опыт историко-экзегетического исследования. Сергиев Посад. VI+519 стр.» архимандрит Григорий (Борисоглебский)

Старый добрый обычай и та, так хорошо известная весьма многим из вас, авторская любовь к своему первому труду, обычно сопряженная со многими сомнениями и страхом, побуждают меня в эти минуты единственного во всей моей жизни дня обратиться к вам этими немногими безыскусственными словами.

В наш век специализации всяких знаний все специалисты, занимаются ли они отдельной какой наукой, обследуют ли особый какой вопрос, пишут ли чью-либо биографию – всегда страдают одним общим недугом: узкой односторонностью. Всецело отдавшись предмету своей специальности, вырванному из общенаучной системы знаний, они обычно ставят свой предмет выше всего, как-будто он один и существует. Кроме него и дальше его – они ничего не видят. Еще Пифагор, занимавшийся своей любимейшей специальностью – математикой, с философской убежденностью думал и говорил, что кроме его чисел да цифр – нет ничего на свете. Теперь, кажется, не пишут монографий и не печатают статей, где бы авторы не утверждали, что предмет книги или вопрос статьи – самый важнейший в системе знаний предмет, самый мировой вопрос. Думая сказать о предмете своей монографии почти тоже самое, я однако надеюсь вполне избежать обвинения в той односторонности, о которой я говорил.

Великая личность св. Апостола Павла, описанию нескольких лет жизни которого посвящена моя диссертация, во всяком случае, есть личность единственная на пространстве всей христианской истории. Как бы высоко ни поднимал исследователь точки своего зрения, с какой бы

высоты ни смотрел он на христианскую историю, – он всегда увидит в ней колоссальную фигуру великого Апостола. Великий св. Иоанн Златоуст, проникающий своим дивным красноречивым словом до самых глубоких тайников души человеческой. Но, кажется, Златоуст никогда не был так красноречив, как когда говорил о св. Павле. Можно удивляться силе Лютера, ставшего во главе целого вероисповедания и нового направления в богословской науке. Но победоносный Лютер самым сильным оружием в своих руках считал цитаты из Павловых Посланий. Мне кажется, что таких сопоставлений нельзя и делать. Сонм Апостолов, стоящих у самого Источника христианства, получивших от Самого Господа непосредственные откровения о христианской вере, потому самому – прежде всех и выше всех в христианской истории. – Но если я, оставляя в стороне послеапостольскую эпоху, переношусь своим взором в то блаженнейшее время, когда жили и действовали ученики Господа, когда благовестие Христово впервые обтекало палестинские грады и веси, оглашало ареопаг в Афинах, звучало в изнеженном Коринфе, гремело на стогнах шумного Ефеса, раздавалось в воинственном Риме, когда я представляю себе весь многочисленный сонм этих благовестников, когда я вижу и Петра, путешествующего по Палестине, и Иакова, пребывающего в Иерусалиме, и Иоанна, живущего в Ефесе, страдающего в Патмосе, и Аполлоса, идущего из Александрии в Ефес, отсюда в Коринф и обратно, Тимофея и Луку, сопутствующих св. Павлу, и многих других, то меня прежде всего и больше всего поражает св. Павел. Он – глава апостольского сонма. «Когда ты говоришь: Апостол, то все тотчас, говорит Иоанн Златоуст, понимают св. Павла, подобно как при имени Крестителя тотчас понимают Иоанна»¹. Апостол Павел есть по преимуществу Апостол. – Посмотрите на первые страницы апостольской эпохи. Сначала христианство распространяется в Палестине. Тут мало трудов св. Павла. Но перейдите за пределы святой земли – и здесь каждый христианский город, каждая христианская церковь назовет своим основателем – апостолом св. Павла. Отдав всю свою жизнь благовестию, Апостол языков обтек со своим благовествованием и Азию и Европу: Птолемиада и Тир, Сидон и Антиохия Сирийская, Киликия и Памфилия, Галатия и Фригия, Ефес и Троада, Македония и Эллада, Коринф и Афины, Иллирия и Рим – все эти города и страны оглашены христианством апостолом – миссионером. Везде он обходит сам, в иных местах живет по несколько лет, в другие – приходит не однажды, для иных восполняет свое личное присутствие своими посланиями. За всеми основываемыми церквями зорко следит, о всех болезнует. Подобно, как большим светилам небесным

сопутствуют спутники – малые кометы и планеты, так и Апостолу Павлу сотекут в благовестии спутники и сотрудники. Возле него спланивается целый сонм благовестников, которые, подражая своему учителю, ревностно обтекают грады и страны. Читаешь книгу Деяний и видишь, что, кажется, ни одного дня не было в жизни Апостола, когда бы он не благовествовал или не тек на благовествование. Св. Дееписатель, желая дать Феофилу повествование о деяниях свв. Апостолов, вскоре после начала начинает писать только о подвигах и трудах одного Апостола Павла. Нужно удивляться, как доставало только времени и сил этому святому мужу так много мест обтекать со своей проповедью. – Но это человеческое благоговейное удивление возрастет еще более, и Апостол предстанет еще в большей благолепной славе и величии, когда присмотреться к самому благовествованию Апостола, к тем великим трудностям, которые постоянно были на пути его. И пастырь слабеет духом и болит сердцем, когда его труды – несут ему только скорби и слезы; напротив он радуется, когда его слово приносит добрые плоды. Нужно иметь Павлову благодатную душу, чтобы уметь идти с христианской проповедью в самые центры язычества и проповедать о Христе и вечной жизни тем, кто не хотел знать ничего, кроме земных наслаждений. Бунт Дмитрия Среброковача, насмешки афинских эпикурейцев и стоиков были, конечно, не единственными восстаниями со стороны язычества против Апостола. – Летопись благовестнических трудов Апостола есть собственно летопись безостановочных восстаний против него иудеев. Куда бы ни пришел Апостол – везде против него возгорается вражда иудеев. Приходит в Ефес, проповедует в синагоге; но, замечает Дееписатель, *как некоторые ожесточились и не верили, злословя путь Господень пред народом, то он оставил их*². Приходит в Коринф – я говорю о третьем путешествии, – проповедует там, но, замечает опять Дееписатель, *по случаю возмущения, сделанного против него иудеями – спешит отбыть в Сирию*³. От Троады до Асса Апостол почему-то сам пошел пешком, а спутникам приказал плыть морем⁴. И толкователи, почти единогласно, полагают, что это сделано в виду каких либо злоумышлений иудейских. Иудеи – враги Апостола не ограничиваются тем, что восстают против него там, где он проповедует. Нет, их вражда – вражда систематическая. Прошло уже несколько лет с того времени, как ефесские иудеи *ожесточились и не верили, злословя путь Господень пред народом*⁵; в Ефес уже насаждено христианство. Павел побывал и в Коринфе, и в Милите, и прибыл уже в Иерусалим. И что же? Тогда асийские иудеи, замечает св. Лука, увидев его в храме, возмутили весь

народ и наложили на него руки⁶. Таким образом, эта иудейская вражда, как какая-либо сеть, была на всех благовестнических путях св. Павла. – Но были сильнейшие и опаснейшие враги у Апостола помимо иудеев. Они были более опасны, ибо сами мнили себя христианами и даже пропоадниками веры Христовой; они были более сильны, ибо были более ожесточены на св. Павла и более деятельно и искусно вели против него и против его благовествования оппозицию. Они хотели разрушить все церкви, основанные Апостолом, а на месте их насадить мнимое христианство с обязательным догматом об исполнении всего ветхозаветного закона. Я говорю об иудействующих христианах, или иудаистах. Я не стану подробно рассказывать, как возникло это направление в первенствующей церкви, как оно усиливалось и как вело свою ложную пропаганду. Достаточно будет, если я иллюстрирую свою мысль несколькими фактами из изученного мною путешествия Апостола. Когда я приступал к изучению третьего путешествия св. Павла, я думал, что мне придется иметь дело исключительно с положительно-благовестническими трудами св. Апостола. Но на деле оказалось совсем иное. Я увидел, что с самого первого шага третьего путешествия и до его конца Апостол вел борьбу с преследовавшими его еретиками-иудаистами. Потому-то и вышло так, что я в виде комментария к четырем словам Деесписателя: *приходил в Иерусалим, приветствовал церковь*⁷ написал целую главу, седьмую часть своего сочинения: это посещение Иерусалима имело в виду подействовать на иудаистов через принятие обета назорейства. Эти иудаисты, очевидно, группировавшиеся в особую партию, имевшую своим главным местопребыванием Иерусалим, были полны сектантского сепаратизма; они, видимо, были твердо уверены в правоте своих воззрений, в необходимости Мойсеева закона и в христианстве, и в св. Павле, настойчивом и бесстрашном проповеднике христианской свободы, видели своего сильного противника. Сначала они ведут свою борьбу против него на почве догмата и проповеди. А далее вражда из-за догмата переходит во вражду личную. Параллельно с описанием третьего путешествия Апостола Павла можно делать описание путешествия и иудаистов. Идет Апостол из Иерусалима в Антиохию; следуют за ним туда же и иудаисты, и он поражает их в своей обличительной речи, направленной к Ап. Петру. Идет Апостол через Галатию в Ефес. Но вскоре получает в Ефесе известие, что иудаисты успели побывать в Галатии и увлечь своей лжепроповедью некоторых из братьев, и св. Павел спешит собственноручно написать Послание к Галатам в обличение иудаистов. Отправляется Апостол из Ефеса в Коринф

и на пути, в Македонии, он пишет свое 2 послание Коринфянам, в котором грозно и властно обличает проникших и туда иудаистов, этих, как называет он их, *служителей сатаны, лжеапостолов и лукавых делателей*⁸. Возвращался Апостол в Иерусалим – и оказалось, что он шел на несомненные узы, которые были наполовину выкованы злобою тех-же иудаистов. Вражда в теории, из-за принципов – не так страшна, как ненависть к лицу; тут обыкновенно не долго думают о средствах. По крайней мере во 2 Послании к Коринфянам Апостолу приходилось считаться с самыми страшными измышлениями хулы иудаистов. Сколько же страданий Апостолу причиняли эти враги! Как много трудностей они доставляли ему! Я думаю, что описание вражды иудаистов против Ап. Павла на основании его посланий может составить из себя весьма благодарную тему для особой монографии. – И вот среди всех этих трудностей и препятствий св. Павел однако неустанно благовествовал, быв всем вся и всех любовью побеждая. В этом величие великого Апостола языков. – Я не буду много говорить о значении Ап. Павла, как священного писателя многочисленных посланий. Эти писания – глаголы Божии. Вообразите только, что было бы, если бы не было Посланий св. Апостола Павла! Приведу дивную тираду из Златоуста о посланиях св. Павла. «Чему можно уподобить слова его: морю или океану? Ничто не может сравняться с ними. Потоки их гораздо обильнее, чище и глубже моря, так что не погрешил бы тот, кто назвал бы сердце Павлово и морем и небом, небом по чистоте, морем по глубине. Это море не из города в город переселяющее плывущих по нему, но от земли на небо. Кто плывет по этому морю, тот плывет при попутном ветре. На нем не ветры, но вместо ветров Святой Дух Божий сопровождает плывущие души. Здесь нет волн, нет подводных камней, нет зверей, здесь все тихо. Это – море, спокойнейшее и безопаснейшее всякой пристани, не имеющее ничего горького, но заключающее в себе источник чистый и источающий сладчайшие потоки, прозрачайший и светлейший солнца; это – море, содержащее в себе не драгоценные камни и не пурпур, но сокровища гораздо лучше этого. Кто хочет погрузиться в это море, тому не нужны ни орудия плавания, ни елей, но любомудрие, и он найдет в нем все блага царствия небесного; он может сделаться царем, приобрести весь мир и быть в величайшей чести. Кто плывет по этому морю, тот никогда не подвергнется кораблекрушению, но будет распознавать все»⁹.

Если какой-либо математик или филолог дорог для своей науки только своими научными изысканиями, которые ничуть не пострадают от того, что жизнь и личность их авторов никому не известны, то не так

бывает с великими деятелями христианства. Здесь Апостол, св. Отец, бл. Учитель Церкви, проповедник и под. имеют значение не только как деятели, но и как личности. Если очень хороша научная система богослова, но плоха его жизнь, едва ли такой человек может быть назван богословом. Апостол Павел может быть предметом научного обследования с двух сторон: можно изучать его христианское мировоззрение и можно изучать его жизнь; можно комментировать его послания и можно писать историю его благовестнических трудов. Не берусь решать вопроса: что полезнее иметь для нашей богословской науки: первое или второе. На основании того небольшого знакомства с литературой предмета и с его содержанием, какое приобрел я, скажу только, что жизнь Апостола Павла – это широчайший, глубочайший и благотворнейший предмет для научного исследования. Летопись жития этого великого Апостола, который в молодости был отчаянным хулителем Христовой веры, который жестоко гнал Церковь Божию и опустошал ее и преуспевал в иудействе более многих сверстников в роде своем, будучи неумеренным ревнителем отеческих преданий ¹⁰, а впоследствии исповедывал: для меня жизнь – Христос и смерть приобретение ¹¹ и говорил: я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа¹², который всем был вся, все переносил ради Господа Иисуса – жизнь этого святого человека – неиссякаемый источник назидания. Замечательно, что почти во всех своих посланиях Апостол Павел делает ссылки на свой жизненный опыт, выставляя его в пример. Вся речь к Ефесским предстоятелям построена на том, что он призывает их помнить его пастырскую деятельность и следовать ей. Подобное же значение имеют подробные перечисления Апостола многочисленных, перенесенных им страданий за благовестие: я гораздо более был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах, и многократно при смерти. От иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного. Три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской. ¹³. Слова Апостола: подражайте мне как я Христу, которые он любил употреблять весьма часто¹⁴, должны быть понимаемы нами так: смотрите на мою жизнь и деятельность, которая есть воплощение Христова закона, и подражайте моей жизни. Во 2 послании к Фессалоникийцам Апостол говорит: вы сами знаете, как должны вы подражать нам; мы себя самих дали вам в образец для подражания нам¹⁵. Для православного богослова в этих словах должен слышаться немолчный, всегдашний апостольский призыв к тому, чтобы дать христианам полное начертание жития Апостола и тем облегчить на

половину исполнение его завета: *подражатели мне бывайте, якоже и я Христу*¹⁶.

Предложенная на просвещенный суд ученого собрания моя монография есть посильный отклик на этот призыв. Я не пишу всей жизни Апостола, но описываю несколько лет из той самой важнейшей поры ее, какая была отдана Апостолом трудам благовествования. Не могу не поведать вам о тех сильных смущениях, которые овладели мною, когда я взялся за перо для своей работы. Написать книгу о всей жизни Апостола Павла – проще: здесь можно говорить обо всем короче; картина в общем шире – но тут работа кисти только над крупными фигурами; детали – не заметны; их можно подразумевать. Мне же предстояло говорить почти лишь об Антиохии да Ефесе. Где найти фактов, где отыскать красок для деталей? В западной литературе я нашел прекрасные труды по апостольской эпохе (разумею Neander'a¹⁷ и Hausratha¹⁸), встретил несколько опытов жизни Апостола Павла (Baur'a¹⁹, Krenkel'a²⁰, того-же Hausrath'a²¹, Renan'a²², Фаррара²³). Но эти труды могли мне дать только лишь один бледный фон для моей работы. Тщетно я искал несуществующих опытов на мою тему; но – все напрасно. Я остался беспомощным и одиноким. Я это говорю к тому, чтобы ваша научная строгость сняла с меня хотя малую часть ответственности за те недостатки, которых бы могло не быть, если бы я писал о третьем путешествии вторым или десятым. – Но еще в большее смущение повергла и повергает меня мысль о моей нравственной неподготовленности к своей работе. Мне предстояло приблизиться своей душой к душе святого Павла; мне предстояло заглянуть своим испытующим, наблюдающим взором во внутрь его духовной жизни, послушать его мысли, чувства, воскресить его речь, рассказать об его апостольских скорбях, слезах и молитвах. Но мне ли недостойному, нечистому приникать своим земным оком в эту небесную палату благодати! Слова святого толкователя Апостола: «чтобы уразуметь Павла, для этого нужна чистая жизнь»²⁴ – были и остались для меня источником многих волнений. И дивное дело: чем более предо мною раскрывалась внешняя картина деятельности Апостола, тем я чувствовал себя все более и более удаленным от внутренних тайников души Павловой. Мое смущение не оставило, конечно, меня и доселе.

Теперь мне остается сказать несколько слов о своих авторских пожеланиях своей книге. – Нет такого слова, нет ни резца, ни кисти, которые бы могли предавать всю полноту и разнообразие той духовной творческой жизни поэта, скульптора и художника, какой живут они за все время своего творчества, пока, наконец, лелеянная ими художественная

образная идея не выльется в звучной песне, не оживит холодный мрамор, пока не перейдет на полотно. Переживается внутри обыкновенно больше, чем обнаруживается во вне. Для художника свое произведение бывает слабым намеком на то богатство идей и образов, какие были пережиты им во время творчества. Гомер и Рафаэль, Гете и Рубенс, Шиллер и Вагнер – все одинаково нуждаются в комментариях. Так и для автора свое произведение бывает просто записками в памятной книжке, сухим конспектом к той богатой духовной жизни, какой он жил, когда писал. По крайней мере я, когда перечитал свою книгу, то увидел, что она далеко не передала того, что было пережито мною. Это, конечно, зависело от моего плохого художественного таланта; но были такие чувства, бывали такие минуты, каких нельзя было перевести на язык понятий и слов. Моя книга не смогла рассказать о том моем святом наслаждении, когда я, воскресив на основании научных справок обстановку, где шел и проповедывал Апостол, воображеньем дополнял картину избранного момента и смотрел, как на живого, проповедника Павла. И чудилось мне, что я слышал его слова, что я видел восторженные лица его слушателей, что я внимал небесной музыке этой дивной беседы. Трояда. Это городок в северной части западного берега Малой Азии. Глубокая полночь. Давно уж полуримский город спит. Кажется, вместе с жителями заснули и задумчивые кипарисы, благоуханные мирты и лавры. Но в бедном христианском квартале вон дом, где узкие, без стекол и завесь, окна горят ярким светом. Войдите на верхний этаж. Перед вами горница со многими светильниками. Вы различаете множество лиц; разместились кто где мог. Юноша Евтих присел на окне. Немое внимание на всех лицах. И слышится только речь старца-проповедника: то св. Павел ведет полночную беседу с троадскими христианами. Где мне взять слов, где отыскать красок, чтоб рассказать вам о дивном величии этой простой троадской беседы?! Нет; моя книга не расскажет о ней. Так пусть, по крайней мере, она поведает о том: сколько тягчайших трудов и забот, сколько скорбей и страданий, сколько слез и печалей было у великого Апостола Павла, прошедшего в годы своего третьего путешествия от Иерусалима до Ефеса и от Ефеса до Иллирии. Пусть мое слабое изображение хотя самыми бледными красками опишет ту пучину христианской любви и самоотвержения, какими горело сердце Апостола языков, и изобразит хотя малую долю той любви его к своему великому апостольски-пастырскому призванию, которая вещала: *я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое и служение, которое я принял от Господа Иисуса, проповедать Евангелие благодати Божией*²⁵. Пусть мое немощное слово

сумеет хотя одной христианской душе, хотя одному пастырскому сердцу напомнить ту, так любимую Апостолом, заповедь: *подражатели мне бывайте, якоже аз Христу*²⁶ и – возбudit желание и вдохновит на подвиг исполнения ее. – Что касается моих научных пожеланий, то они не идут далее того, чтобы в своей книге дать материал и пособие для того будущего труженика, который возьмет на себя высокую и благодарную задачу: написать жизнь Апостола Павла. Я хотела дать ему в руки добросовестно исполненное научное обследование жизни Апостола Павла за те годы, которые были посвящены им третьему путешествию. Заранее скажу, впрочем, этому будущему труженнику, что он встретится в моей книге с одним крупным недостатком. При тепершнем состоянии исторической науки, когда усердными трудами неутомимых западных ученых произведено много раскопок на месте Ефеса, когда найдено много мраморов с письменными памятниками первого века, можно было бы мои две главы об Ефесе²⁷ написать с большей полнотой. Но к моему глубокому сожалению мне не могли быть доступными ни Британский королевский музей, где хранятся коллекции Вуда, ни другие заграничные музеи, где можно найти много мраморов из Ефеса. Я не был на месте Ефеса; я не ходил по деревне Айя-Солук, которая приютилась вблизи того места, где была раскинута столица Ионии. Я не видал тамошнего ионийского неба, тамошних морских волн, тамошних гор и развалин, тамошних рек и заброшенных римских дорог, которые мне много бы подсказали к краткому рассказу книги Деяний...

В предисловии к своей книге я делаю подробное перечисление всех авторов и издателей, учеными трудами которых я пользовался для своей работы. Но это перечисление теряло бы все свое значение, если бы я на этих строках не назвал бы еще двух имен. Это-б было похоже на то, как если б я, описывая величественный храм Дианы ефесской, вздумал бы подробно, по именам, перечислять всех рабочих, трудившихся над этим мраморным колоссом, но ..... забыл бы назвать архитектора Хейрократа, по мысли и плану которого строилось это архитектурное, всемирное – одно из семи – чудо. Первое имя – из тех ранних юношеских впечатлений, которые полагаются на чистую, пустую юношескую душу и обычно составляют собою тот фундамент, на котором строится позднее целое здание. По большей части здание приходится как раз ко фундаменту. Той любовью к занятиям Священным Писанием, с которой я уже прибыл в это самое время пять лет тому назад под кров сего святилища науки, я всецело обязан моему незабвенному наставнику по семинарии. Я говорю о талантливом и трудолюбивом, известном в Новозаветной науке

несколькими своими учеными трудами, Николае Ивановиче Троицком. Его горячая любовь к своей науке, благодаря его мастерскому преподаванию, передалась и мне в те ранние, так восприимчивые годы, – и я с первого курса замечтал о Новом Завете. Второе имя – имя профессора Нового Завета здешней Академии и моего единственного руководителя и наставителя при выполнении моей работы. Это имя было для меня магнитом, который еще юного влек именно в эту Академию. Помню, что когда мои товарищи по семинарии хвалились бывало знанием наизусть кто – Демона Лермонтова, кто Онегина Пушкина, я хвалился тем, что знал наизусть все вновь выходявшие тогда статьи этого профессора. Не буду говорить о том, какой широкий горизонт в области Новозаветной науки, какие научные пути в ней открылись мне при слушании лекций по этой кафедре. Скажу, что моя работа писана при самом ближайшем и деятельном руководительстве высокоуважаемого Митрофана Дмитриевича Муретова. Самая тема и основной план труда всецело принадлежат моему учителю. Первоначальное ознакомление с литературой предмета начато по его указаниям и выбору. Все мое сочинение, наконец, было ранее, чем появиться ему в печати, прочитано и исправлено научно-заботливой и снисходительной рукой Митрофана Дмитриевича. Дорогое имя этого ученого в моей всегда благодарной памяти было и будет для меня одним из самых заветных воспоминаний о славной Московской Академии.

Иеромонах Григорий.

Примечания

¹ - Св. Иоанн Златоуст. Беседы на Деяния Апостольские. Перевод СНБ. Д. Академии. 1857. Часть 2, стр. 428

² - Деян. 19, 9

³ - – 20, 3

⁴ - – -13

⁵ - См. прим. 2

⁶ - Деян. 21, 27

⁷ - Деян. 18, 22

⁸ - 2Кор. 11:14–15.

⁹ - Св. Иоанн Златоуст. Цит. твор. и часть, стрр.428.429.

¹⁰ - Гал. 1:13, 14.

¹¹ - Фил. 1, 21.

¹² - 2Кор. 11, 31.

¹³ - 2Кор. 11:22–25. – Ср. также: 2Кор. 1:8–10; 1Кор. 15:32, 11:26–28.

¹⁴ - 1Кор. 4:16, 11:1; Еф. 5, 1; Фил. 3, 17; 1Сол. 1, 6; 2Сол. 3, 9.

¹⁵ - 2Сол. 3:7, 9.

¹⁶ - 1Кор. 11, 1.

¹⁷ - Neander. Geschichte der Pflanzung und Leitung der christlichen Kirche durch die Apostel. Hamburg. 1838.

¹⁸ - Hausrath. Neutestamentliche Zeitgeschichte. Heidelberg. 1872.

¹⁹ - Baur. Paulus, der Apostel Jesu Christi. Sein Leben und Wirken. Seine Briefe und seine Lehre. Stuttgart. 1845.

²⁰ - M. Krenkel. Paulus der Apostel der Heiden. Leipzig. 1869.

²¹ - Hausrath. Der Apostel Paulus. Heidelberg. 1872.

²² - Renan. Paulus. Leipzig und Paris. 1869.

²³ - Фаррар. Жизнь и труды св. Апостола Павла. Перевод с 19 английского издания. СПб. 1887.

²⁴ - Св. Иоанн Златоуст. Цит. твор., стр. 429.

²⁵ - Деян. 21, 24.

²⁶ - См. прим. 14.

²⁷ - Разумеются 5 и 6 главы.

Содержание

Григорий (Борисоглебский), иером. Речь, произнесенная перед защитой магистерской диссертации: «Третье великое благовестническое путешествие св. апостола Павла (Изъяснение Деян. 18:21–22, Деян. 16 и Гал. 2:11–22): Опыт историко-экзегетического исследования. Сергиев Посад. VI+519 стр.» архимандрит Григорий (Борисоглебский)	1
Примечания	11